

Забровская Лариса Вячеславовна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

Роль делового сотрудничества Китая в решении ядерной проблемы КНДР

Действия властей КНДР по созданию собственного ракетно-ядерного оружия привели к резкому обострению обстановки в Северо-Восточной Азии. Естественно, что особое беспокойство при этом испытывали непосредственные соседи страны – Япония, Республика Корея, Россия, КНР. На протяжении нескольких десятилетий взаимоотношения между Пекином и Пхеньяном выступали как один из важнейших факторов самого существования КНДР.

После первых двух ядерных испытаний (2006, 2009 г.), проведённых в КНДР, китайское руководство заняло нейтральную позицию и не стало прерывать весь комплекс связей с Пхеньяном, как, например, это сделала Япония. В Пекине посчитали, что вовлечение Северной Кореи в разносторонние экономические контакты с Китаем принесёт больше пользы для решения ядерной проблемы на Корейском полуострове. Подобные меры способны, как полагали китайские политики, постепенно снизить напряжённость на полуострове и побудить КНДР свернуть ядерную программу. Это привело в последующие два года к значительному потеплению в двусторонних отношениях. В данный период северокорейский руководитель Ким Чен Ир трижды посетил Китай. В ходе визитов он заявлял о готовности КНДР вернуться за стол шестисторонних переговоров и рассмотреть вопрос о прекращении ядерного проекта¹.

В рамках такого подхода китайское руководство способствовало расширению инвестирования в экономику КНДР. Особенность китайского инвестирования заключается в поощрении национальным правительством активности своего частного бизнеса. В результате средние и мелкие фирмы из приграничных провинций Цзилинь и Ляонин расширили сферу деятельности и увеличили объём торгово-экономических связей с северокорейскими партнёрами. С обеих сторон был упрощён таможенный и паспортный режим в 23 пунктах перехода совместной границы. При этом Китай не собирался предоставлять особые привилегии северокорейским

* larisa_zabrovska@mail.ru

¹ Cheng Xiaohu. North Korea Third Nuclear Test and Its Impact on Sino-North Korean Relations // The Journal of East Asian Affairs. Seoul. 2013. Spring/Summer. Vol. 27. No. 1. P. 33.

фирмам на своей территории, а стремился подходить в каждом конкретном случае с рыночно ориентированных позиций и продвигать собственные интересы в КНДР. Это вызывало негативную реакцию северокорейских властей, которые пытались пересмотреть условия экономических проектов, что, как правило, им не удавалось.

В 2010–2011 гг. был заключён ряд китайско-северокорейских торгово-экономических соглашений о взаимной защите инвестиций, определении порядка налогообложения, предоставлении особых преференций для китайского бизнеса в КНДР, о подготовке северокорейских специалистов на предприятиях Северо-Востока Китая и командирования китайских специалистов на предприятия КНДР². Стороны продолжают руководствоваться этими документами и в настоящее время, поскольку в последующие годы не было заключено ни одного нового торгово-экономического соглашения.

В отечественной историографии тема современных китайско-северокорейских экономических отношений, особенно периода после прихода к власти Ким Чен Ына, остаётся неизученной, хотя представляет несомненный интерес в связи с неустойчивой военно-политической обстановкой на Корейском полуострове. Важно и понимание того, как развивается китайская политическая мысль и как китайские правящие круги пытаются решать актуальные проблемы международных отношений, прибегая к своей "мягкой силе" – экономическому влиянию.

В работе использованы китайские статистические материалы, которые отражают экономические результаты сотрудничества в период с 2006 по 2016 г. – объём торговли двух стран, уровень китайского экспорта / импорта в КНДР, динамику инвестирования на территориях Китая и КНДР. Поставлена цель – определить, насколько китайская политика "вовлечения КНДР" способствовала снижению военно-политической напряжённости на Корейском полуострове и принуждала Ким Чен Ына отказаться от продолжения ядерной программы. Значительный объём двусторонней торговли, а также осуществление китайским частным капиталом инвестирования в КНДР свидетельствуют о том, что продолжение северокорейской ядерной программы не является для Пекина существенным препятствием для сохранения экономического присутствия в соседней стране. Исходя из этого, также ставилась цель выяснить причины, побуждающие китайскую сторону игнорировать опасный военный курс северокорейского руководства и продолжать сохранять своё экономическое присутствие в этом государстве.

Двусторонняя торговля

Информация о торговле между двумя странами широко отражена в отчётах китайской таможни, но отсутствует в северокорейских публикациях, поэтому в статье были использованы исходные китайские данные и проведены необходимые вычисления для выявления динамики и основных тенденций китайско-северокорейской торговли.

² 中国海关. Данные китайской таможни. URL: <http://www.haiguan.info/> (дата обращения: 12.02.2018).

Таблица 1

Объём двусторонней торговли Китая и КНДР в 2006–2016 гг.

Год	Объём торговли		Китайский экспорт		Китайский импорт		Объём торгового дефицита КНДР	
	млрд дол.	%	млрд дол.	%	млрд дол.	%	млрд дол.	%
2006	1,7	7,6	1,232	14,0	0,468	-6,3	-0,765	131,6
2007	1,976	16,2	1,393	13,0	0,583	24,7	-0,809	105,7
2008	2,793	41,3	2,032	46,1	0,76	30,3	-1,272	157,2
2009	2,680	-4,0	1,888	-7,1	0,793	4,3	-1,095	86,1
2010	3,472	29,6	2,278	20,8	1,193	50,6	-1,085	99,1
2011	5,641	62,5	3,165	38,9	2,477	107,6	-0,688	63,4
2012	6,035	7,0	3,533	11,6	2,502	1,1	-1,030	149,7
2013	6,558	8,6	3,630	2,8	2,928	16,9	-0,703	68,2
2014	6,387	-2,6	3,519	-3,9	2,868	-2,1	-0,652	92,7
2015	5,511	-13,3	2,943	-16,4	2,568	-10,5	-0,375	42,5
2016	5,301	-3,9	2,901	-1,4	2,400	-6,5	-0,501	133,6

Источник: 中国海关. Данные китайской таможни. URL: <http://www.haiguan.info/> (дата обращения: 12.02.2018).

Как следует из табл. 1, китайская сторона действительно увеличила экономическое сотрудничество с КНДР после первых двух ядерных испытаний. Статистические данные свидетельствуют о значительном росте объёмов двусторонней торговли в 2010–2014 гг. Торговля с Китаем составила более 90 % внешней торговли КНДР. С этого же периода стал непрерывно расти дефицит северокорейской торговли с КНР, превышая в отдельные годы 1 млрд дол. Китай импортирует главным образом различные минералы, железный концентрат и уголь, экспортируя в КНДР товары, представляющие стратегический интерес для её безопасности. К ним относятся зерновые (рис, пшеница), нефть и нефтепродукты. Несмотря на присоединение к санкциям, Пекин не отказался от экспорта в КНДР этих стратегических товаров и даже нарастил их объём. Так, в 2013 г. после проведения в КНДР третьего ядерного испытания Китай экспортировал 578 тыс. т сырой нефти, что на 11 % больше, чем в предыдущем году, и 298 257 т зерна, что на 5,9 % больше показателя предыдущего года. Это при том, что 2013 г. был урожайным и КНДР не нуждалась в дополнительном продовольствии, получив 5,03 млн т собственного зерна³. Однако в 2015–2016 гг. объём торговли уменьшился более чем на 1 млрд дол. (см. табл. 1) за счёт того, что Китай, присоединившись к экономическим санкциям ООН, сократил свой экспорт нефти и импорт северокорейского угля⁴.

Зарубежные источники свидетельствуют о том, что в ноябре–декабре 2017 г. Китай, следуя ещё более жёстким санкциям ООН, дополнительно снизил объём торговли с КНДР почти на 51 %, что в итоге привело к сокращению годового объёма китайско-северокорейской торговли на 10 % и этот показатель составил менее 5 млрд дол.⁵

³ Relations with China // Vantage Point. Seoul. 2014. March. Vol. 37. No. 3. P. 57.

⁴ Cheng Xiaohu. Op. cit. P. 39–40.

⁵ China trade with North Korea down 50 % // Japan Times. 2018. 14 January. P. 5.

Представители китайского бизнеса из приграничных провинций Ляонин, Цзилинь и Шаньдун играют первостепенную роль в торгово-экономических связях с КНДР. Морская торговля с провинцией Шаньдун ведётся при посредничестве третьих стран, регистрирующих 20–25 северокорейских торговых судов под своими флагами. В этом замечены такие страны, как Монголия, Камбоджа, Панама и Сьерра-Леоне.

На три северо-восточные провинции КНР приходится 80 % стоимостного объёма двусторонней торговли, которая ведётся главным образом через пограничные города – китайский Даньдун и корейский Синьиджу, а также через морские порты двух стран. Торговле именно с этими тремя провинциями благоприятствует проживание на их территории около 2 млн китайских граждан корейского происхождения, знающих корейский язык и заинтересованных как в торговых контактах, так и в поддержке родственных связей. Ежегодно 70–80 тыс. китайских туристов из этих трёх провинций посещают КНДР. Для сравнения: только около 4 тыс. туристов из других стран приезжают в КНДР. Увеличению числа китайских туристов способствовало открытие в июле 2012 г. чартерного авиасообщения между г. Яньцзи в провинции Цзилинь и Пхеньяном. Турфирмы Цзилиня отправляют своих туристов и в СЭЗ Раджин – Сонбон (Расон), куда возможен однодневный безвизовый въезд граждан КНР. Такой облегчённый режим перехода северокорейской границы в районе этой СЭЗ привлекает китайских мелких торговцев и бизнес.

Китайские частные предприниматели легко обходят запреты ООН на проведение торговых операций с КНДР, используя наличные юани и осуществляя бартерный обмен с северокорейскими фирмами. Подобные операции не отражаются на банковских переводах, а потому остаются незафиксированными в международных платёжных системах. По оценочным данным до 60 % торговли провинции Цзилинь с КНДР проходит с использованием китайской валюты, а остальная часть – путём бартерного обмена. Китайский бизнес из других провинций также прибегает к подобным финансовым схемам в сотрудничестве с КНДР, поэтому санкции ООН не оказывают существенного влияния на состояние китайско-северокорейской торговли.

Характер китайских инвестиций

Китайские мелкие и средние частные фирмы охотно делают краткосрочные инвестиции в экономику КНДР. Рост числа и объёма инвестиций начался с 2011 г. после последнего визита Ким Чен Ира в Китай. За период с 2006 по 2016 г. общий объём китайских инвестиций в КНДР составил немногим более 0,5 млрд дол. (табл. 2), что в целом равнялось 1 % от всех китайских инвестиций за рубежом. Небольшой их объём показывает, что эта страна не является важным объектом для такого рода сотрудничества. Скорее, политические цели стали двигателем этого процесса.

Специфика китайского инвестирования состоит в том, что, создавая совместные предприятия (СП) с северокорейцами, китайские бизнесмены стараются избегать предоставления инвестиций в валюте⁶ и осуществляют

⁶ 蔡美花, 雷霆. 中朝关系的阻碍与未来愿景 // 东亚与国际政治研究. *Цай Мэй-хуа, Лэй Тин*. Трудности в китайско-северокорейских отношениях и их перспективы // Восточная Азия и изучение международной политики. 2015. № 9. С. 7–8.

их в виде поставок оборудования и исходных полуфабрикатов, что часто не фиксируется в качестве инвестиций, а считается товарными поставками. Таким образом, общая сумма инвестиций может быть выше официальных данных. Ввиду того что СП часто создаются между китайцами корейского происхождения и их родственниками в КНДР на договорно-джентельменских началах, то они не регистрируются в китайском министерстве торговли и не попадают в статистические данные. Представители частного бизнеса из провинций Цзилинь и Ляонин – главные инвесторы в экономику КНДР. На границе с этими провинциями образован ряд северокорейских СЭЗ, через которые осуществляются торгово-экономические операции двух стран. Согласно данным китайского министерства торговли, в 2013–2016 гг. в этих зонах действовали 174 китайские фирмы, которые вели торговлю и инвестировали в совместные предприятия с КНДР⁷.

Власти КНДР проявляют заинтересованность в китайских инвестициях в определённые сферы производства: в разработку минеральных ресурсов, строительство пятизвёздочных отелей в Пхеньяне и развитие инфраструктуры в СЭЗ, расположенных в низовьях реки Амноккан. Однако у китайского бизнеса другие предпочтения – инвестирование прежде всего в добывающую промышленность в целях получения не только угля и железного концентрата, но и драгоценных и редкоземельных металлов – золота, лития, иридия, титана, германия, которые используются в электронике. В этих целях китайский бизнес стремится контролировать деятельность 20 шахт по добыче этих редкоземельных элементов. Как правило, китайские компании осуществляют инвестиции поставками оборудования, получая взамен минеральное сырьё, поэтому в случае каких-либо конфликтных ситуаций такого рода инвестиции не попадали бы под защиту законодательства об инвестициях и могли быть потеряны. Тем не менее китайский частный бизнес полагает, что некоторый риск оправдан получаемой прибылью.

Китайские фирмы также заинтересованы в инвестировании в рыболовную отрасль экономики КНДР, в результате чего они получают право рыбной ловли в Японском море у северо-восточных берегов Корейского полуострова. За это они платят 25–30 тыс. дол. за каждое своё судно, участвующее в промысле. Китайская таможенная служба даёт нижеследующую информацию об участии китайского бизнеса в финансировании совместных проектов в КНДР (табл. 2).

Таблица 2

Китайские инвестиции в КНДР, освоенные в совместных проектах
в 2006–2016 гг., млн дол.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Китайские инвестиции в совместные проекты, млн дол.	28,74	7,22	33,49	18,01	30,18	56,1	106,67	120,88	90,49	18,32	8,2

Источник: 中国海关. Данные китайской таможни. URL: <http://www.haiguan.info/> (дата обращения: 12.02.2018).

⁷ 中国海关. Данные китайской таможни.

Статистика показывает значительную зависимость уровня и стабильности китайского инвестирования от состояния политических отношений двух стран, которые в свою очередь находятся в прямой зависимости от северокорейских ядерных испытаний и пуска баллистических ракет. Исходя из этого, китайское инвестирование в КНДР носит нестабильный характер. Из данных табл. 2 следует, что первые два года пребывания Ким Чен Ына у власти вызвали у китайского бизнеса надежду на положительные изменения в управлении экономикой, поэтому в 2012–2013 гг. можно было наблюдать удвоение объёма китайских инвестиций в совместные предприятия на территории КНДР. Этому способствовали визит в Пекин в августе 2012 г. северокорейской делегации во главе с Чан Сон Тхэком и его договорённости о китайском инвестировании в северокорейские СЭЗ. В документах китайского МИД отмечается, что Чан Сон Тхэк был принят на высшем уровне: провёл переговоры с председателем КНР Ху Цзиньтао и премьером Вэнь Цзябао. Он также участвовал в работе третьего заседания совместного комитета по развитию экономических зон КНДР⁸. В Китае придавали большое значение этому визиту и проявили уважение к личности Чан Сон Тхэка, связывая с его именем возможность дальнейшего разностороннего сотрудничества. Однако вскоре он был публично осуждён и казнён северокорейскими властями. Так Пекин потерял один из важных рычагов влияния в Пхеньяне.

Продолжавшиеся в 2016–2017 гг. северокорейские ядерные испытания и запуски баллистических ракет привели к тому, что Китай выразил ряд протестов, присоединился к ещё более жёстким санкциям ООН и, соответственно, китайский частный капитал стал сокращать свои связи с КНДР, но при этом не собирался покидать эту страну насовсем. Одна из причин состоит в экономической выгоде: китайские товары лёгкой промышленности и автомобили находят широкий спрос в КНДР, а взамен КНР получает редкоземельные металлы, уголь и железный концентрат. Как видно, китайские инвестиции в КНДР – продуманный и целенаправленный процесс, исключающий какие-либо формы благотворительности и ссылки на союзнические обязательства.

Прямое китайское инвестирование в предприятия КНДР остаётся рискованным делом для китайского бизнеса. Чаще всего страдают крупные инвесторы. Так, ляонинская компания "Сиян" инвестировала более 37 млн дол. в северокорейское предприятие по производству железного концентрата, что составило 75 % от всех инвестиций этого проекта. Однако в феврале 2012 г. власти КНДР неожиданно расторгли контракт, так как руководство ляонинской компании отказалось внести выгодные корейской стороне изменения в первоначальные условия соглашения. В марте того же года китайский персонал этого предприятия был выдворен с корейской территории. Власти КНДР объясняли своё решение тем, что компания "Сиян" не выполнила условия контракта. В результате появилась угроза утраты всех инвестиций КНР, вложенных в этот проект. Спор был урегулирован при вмешательстве китайского премьера⁹. Тем не

⁸ 中国外交. Внешняя политика Китая. Пекин, 2013. С. 116.

⁹ Chinese company vent venom on North Korea // Asia Times online. 2012. 15 August. URL: <http://www.atimes.com/atimes/Korea/NH15Dg01.html> (дата обращения: 12.11.2017).

менее улаживание этого конфликта не гарантировало, что другие проекты не подвергнутся подобному давлению, но это не останавливает китайских бизнесменов.

В связи с этим необходимо обратить внимание на информацию КНР о привлечении китайских специалистов на северокорейские предприятия (табл. 3).

Таблица 3
Численность китайских специалистов
в КНДР в 2011–2016 гг.

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность	1458	1250	638	542	311	237

Источник: 中国海关. Данные китайской таможни. URL: <http://www.haiguan.info/> (дата обращения: 12.02.2018).

Китайский источник представил данные только за 2011–2016 гг., т.е. в основном за период правления Ким Чен Ына. Из приведённой таблицы следует, что за этот период численность китайских специалистов в КНДР снизилась в 6 раз. Это может свидетельствовать о недоверии северокорейских властей к Китаю и о желании Пхеньяна снизить до минимума китайское присутствие в среде своей научно-технической элиты, поскольку привлекались главным образом эксперты по техническим специальностям.

В то же время китайский бизнес ищет и находит другие пути сотрудничества с этой страной. Ежегодно около 80 тыс. северокорейских рабочих привлекаются на предприятия Северо-Восточного Китая. В результате китайский бизнес получает доход благодаря их дешёвому труду: в среднем северокореец получает 1200–1500 юаней (190–230 дол.) в месяц, что в 3–4 раза меньше, чем обычно зарабатывал китайский рабочий. Трудовая миграция северокорейцев в Китай повлекла за собой и северокорейское инвестирование в СП на китайской территории, главным образом в провинции Ляонин. Инвестирование велось за счёт отчисляемых средств от заработков северокорейцев, работавших в Китае. Всего за изучаемый период КНДР инвестировала на территории Северо-Восточного Китая почти 22 млн дол. (табл. 4), что для бедной и находящейся под санкциями страны является довольно значительной суммой.

Таблица 4

Северокорейские инвестиции в Китае, освоенные в совместных проектах
в 2006–2016 гг., млн дол.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Северокорейские инвестиции в совместные проекты, млн дол.	0,85	0,92	1,93	1,51	11,22	0,84	1,55	2,68	0,29	0,07	0,02

Источник: 中国海关. Данные китайской таможни. URL: <http://www.haiguan.info/> (дата обращения: 12.02.2018).

Как видно, на 2010 г. пришлась основная сумма северокорейских инвестиций. Тогда стороны учредили в провинции Ляонин несколько совместных компаний по производству ноутбуков. Сотрудничество с китайскими специалистами позволило северокорейцам получить необходимый опыт в создании собственных разработок в IT-технологиях и начать производство своего компьютерного обеспечения. С 2012 г. КНДР приступила

к производству планшета Achim, а в следующем году была завершена разработка компьютера Noul, предназначенного для использования в промышленности¹⁰.

Небольшой рост северокаорейских инвестиций в 2012–2013 гг. отразил ожидания этой страны улучшения отношений с Китаем, но из-за присоединения Пекина к антисеверокаорейским санкциям после третьего ядерного испытания (2013 г.) наблюдается их дальнейший спад (см. табл. 4).

Пришедший к власти в декабре 2011 г. Ким Чен Ын не смог сразу установить доверительные отношения с новым китайским руководством во главе с Си Цзиньпином, что негативно отразилось на уровне деловой активности двух стран. Попытка Ким Чен Ына непосредственно руководить через своих военных посредников экономическими связями с Китаем не была поддержана в Пекине. Так, отправленный в конце мая 2013 г. в качестве спецпосланника генерал Чой Рён Хэ, являвшийся начальником главного политуправления Корейской народной армии (КНА), был принят в Пекине подчёркнуто холодно. В его задачи входило согласование условий осуществления совместных экономических проектов в СЭЗ в нижнем течении Амноккана. Непродолжительная встреча Чой Рён Хэ с Си Цзиньпином прошла перед самым отъездом на родину. Это должно было показать Ким Чен Ыну, что китайское руководство недовольно продолжением проведения ядерных испытаний и запусками баллистических ракет¹¹. Однако Ким Чен Ын не только не прекратил работу над ядерным проектом, но и осуществил в 2016 г. два испытания ядерного оружия, а в 2017 г. – испытание водородной бомбы. Это ещё больше политически отдалило две страны и негативно отразилось на двусторонних экономических связях.

Участие китайского бизнеса в работе северокаорейских СЭЗ

Больше всего противоречий в китайско-северокаорейских отношениях касается мест учреждения и специализации северокаорейских СЭЗ, расположенных вдоль совместной границы. Если для КНДР наиболее актуально развитие зон вдоль реки Амноккан, которые связаны сетью дорог с Пхеньяном, то для Китая экономически более интересной зоной развития является СЭЗ Раджин – Сонбон, предоставляющая для провинций Цзилинь и Хэйлунцзян выход к незамерзающим портам Японского моря. Так, китайский бизнес готов инвестировать в строительство портовых сооружений, строить железные и шоссейные дороги и мосты через пограничную реку Туманган для соединения городов вышеуказанных провинций с этой северокаорейской зоной. В то же время для руководства КНДР СЭЗ Раджин – Сонбон – далёкая окраина, малообжитой регион, где действует полигон для ядерных испытаний.

Таким образом, северокаорейские власти предпринимали усилия по сосредоточению китайского инвестиционного капитала в СЭЗ в низовьях

¹⁰ General Overview of the DPRK Economy. Pyongyang: Chosen Chylpan mulsu chul ipsa, 2017. P. 231–232.

¹¹ Lee Kwang-ho. Shaky Sino-North Korean Relations after Xi's Inauguration // Vantage Point. Seoul. 2014. January. Vol. 37. No. 1. P. 16.

реки Амноккан. Первая попытка была сделана в сентябре 2002 г., когда правительство КНДР объявило о создании специального административного района в Синьиджу и назначило во главе него китайского бизнесмена Ян Биня. Однако центральное правительство Китая посчитало, что подобная экономическая зона станет конкурентом Даляню, а предполагаемое строительство казино на её территории будет привлекать богатых китайцев и чиновников и опустошать китайский бюджет. Вероятно исходя из этого, Ян Бинь был арестован под предлогом неуплаты налогов и осуждён китайским судом на длительный срок¹². В дальнейшем развитие данной СЭЗ не получило широкой поддержки со стороны КНР, центральные власти которой в последующие годы отказались соединять эту зону с китайскими скоростными магистралями, связывающими Харбин, Шэньян, Далянь, и строить другие объекты инфраструктуры.

Тем не менее в начале 2010-х гг. Ким Чен Ир в ходе своих последних поездок в Китай смог договориться о развитии совместных зон в нижнем течении реки Амноккан, исключив развитие игорного бизнеса в качестве приоритетного направления их деятельности. Были образованы четыре зоны – экономическая зона Хвангымпхён – Вихвадо, международная экономическая зона Синьиджу, находящаяся напротив китайского города Даньдун, экономическая зона развития Амноккан и зона развития туризма Чонсу¹³. Первые три зоны находятся в подчинении администрации города Синьиджу и обладают некоторой автономией в решении текущих проблем транспорта и энергоснабжения. Хотя эти зоны имеют статус международных, но нацелены на сотрудничество прежде всего с Китаем. Другие страны, например Сингапур и Гонконг, участвуют в их работе минимально. На территории указанных зон развивается двусторонняя торговля, туризм, выращиваются парниковые овощи и ягоды, ведётся обработка древесины.

Северокорейские власти возлагают большие надежды на развитие зон в низовьях Амноккана, полагая, что китайский бизнес из Даньдуна способен дать толчок развитию электронного производства в КНДР. Действительно, у местных китайских властей есть планы по превращению Даньдуна в главный центр региона. Для этого они запланировали строительство третьего моста через пограничную реку Амноккан и соединение его с высокоскоростными транспортными артериями Северо-Восточного Китая. То есть интересы китайских местных властей совпадают с интересами северокорейской стороны, но вступают в противоречие с китайскими центральными властями, а поэтому необходимых средств на осуществление своих планов не получают. К тому же присоединение Китая в 2013 г. к санкциям ООН против ядерных испытаний в КНДР обесценивает китайские инвестиции в Даньдун и Синьиджу. Кроме того, китайские власти не планируют предоставить Даньдуну автономию, какой располагают другие китайские СЭЗ¹⁴. Следовательно, этот пограничный регион остаётся малопривлекательным для китайского бизнеса.

¹² *Park Jongseok*. North Korea's Special Economic Zones and East Asia (Focusing on SEZ Strategy and Location) // *Borders and Transborder Processes in Eurasia* / Ed. S.V. Sevastianov, P. Richardson. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 211, 213.

¹³ General Overview of the DPRK Economy. P. 248–250.

¹⁴ *Park Jongseok*. Op. cit. P. 213.

Как бы ни развивались политические отношения двух стран, понятно, что географическое положение северокорейских СЭЗ в низовьях Амнокана негативно влияет на их экономические перспективы, сохраняя их локальное значение. Они и в дальнейшем будут проигрывать в конкуренции с китайскими и южнокорейскими экономическими зонами Жёлтого моря. Это ещё один аргумент в пользу объяснения, почему в Китае не проявляют заинтересованность в активном развитии этих северокорейских СЭЗ.

Другое дело, СЭЗ Раджин – Сонбон, которая находится у незамерзающих портов Японского моря и предоставляет выход к морю двум северным китайским провинциям. Значение этой зоны и её портов будет возрастать и приобретать стратегическое значение в связи с открывающимся арктическим путём в Европу. До присоединения Китая к антисеверокорейским санкциям ООН порты этой зоны активно использовались для транспортировки хэйлунцзянского угля в южные районы Китая. Заинтересованность китайского правительства в эксплуатации незамерзающих портов провинции Северный Хамгён привела к строительству железных и шоссейных дорог между китайскими пограничными городами и Расоном. В 2012 г. начала функционировать 48-километровая железная дорога между китайским городом Тумынь и Расоном, что сократило время транспортировки грузов до одного часа. Эта железная дорога позволила соединить СЭЗ Раджин – Сонбон со скоростной железной дорогой Харбин – Чанчунь – Шэньян – Далянь, что выгодно для китайской логистики, получившей возможность манёвра при перевозке грузов.

Инвестиции в СЭЗ Раджин – Сонбон осуществляются китайским частным капиталом, который одновременно с получением прибыли для себя выполняет задачи государственной важности. На территории зоны построены три пирса, один из которых используется китайскими судами. Китайская фирма из провинции Цзилинь намерена построить ещё три причала при условии взятия их в аренду на 50 лет. Таким образом, ближайшие экономические перспективы и выгоды транспортировки грузов перевешивают другие опасения. Китай заинтересован в использовании этой зоны как транспортного коридора.

Зона Раджин – Сонбон привлекает китайский частный бизнес и дешёвой рабочей силой, поэтому китайские фирмы переносят туда своё производство. Так, чанчуньская фирма "Ятай" построила там цементный завод, хэйлунцзянская фирма "Бэйдахуан" развивает современное парниковое хозяйство, сигаретную фабрику построили бизнесмены из Чанчуна. В результате СЭЗ Раджин – Сонбон получает 80–90 % всех инвестиций из Китая¹⁵. Выгодное географическое положение способно в перспективе повысить международное значение этой зоны.

Цели, особенности и механизмы реализации китайского экономического проникновения в КНДР отвечают в первую очередь китайским стратегическим интересам. При всей натянутости политических отношений Китай стремится сохранить своё экономическое присутствие в КНДР и монополизировать многие сферы северокорейской экономики. Для этого китайские власти умело обходят международные санкции, используя

¹⁵ 蔡美花, 雷霆. 中朝关系的阻碍与未来愿景. *Цай Мэй-хуа, Лэй Тун*. Трудности в китайско-северокорейских отношениях и их перспективы. С. 6–7.

возможности китайских частных фирм и родственные связи между китайскими корейцами и гражданами КНДР. В дальнейшем возможно усиление экспансии китайского частного капитала в КНДР, что будет поощряться различными преференциями со стороны властей КНР. В свою очередь руководство Северной Кореи стремится использовать экономическое присутствие Китая в целях получения иностранной валюты, инвестиций и технической помощи, а также для проникновения на приграничный китайский рынок посредством экспорта своей рабочей силы. Это может свидетельствовать о взаимовыгодности торгово-экономических связей для обеих сторон даже в период ужесточения международных санкций против КНДР.

Китайские политики намереваются решить северокорейскую ядерную проблему с наименьшим ущербом для двусторонних отношений. План Пекина по снижению военно-политической напряжённости на Корейском полуострове путём "вовлечения КНДР" в экономическое сотрудничество носит долговременный характер. Пока он не реализован ввиду смерти бывшего лидера КНДР Ким Чен Ира (декабрь 2011 г.), у которого были тесные связи с китайским руководством. Китайский план не смог быстро реализоваться также потому, что северокорейская элита, которая включает прежде всего высокопоставленных военных и партноменклатуру, сконцентрировала внимание на дальнейшем укреплении обороноспособности страны. Тем не менее стратегия по использованию экономического влияния в качестве "мягкой силы" в отношении КНДР оказалась продуктивной.

В результате китайской политики "вовлечения КНДР" северокорейское руководство проявило инициативу по налаживанию связей со своим южным соседом. Так, в феврале 2018 г. северокорейская правительственная делегация, в составе которой была сестра Ким Чен Ына, посетила олимпийский Пхёнчхан и провела переговоры с южнокорейским президентом Мун Чжэ Ином, в ходе которых стороны заявили о необходимости проведения саммита на высшем уровне. 25–28 марта Пекин посетил с неофициальным визитом северокорейский лидер Ким Чен Ын и провёл переговоры с руководителями страны¹⁶. Во время визита он заявил о готовности КНДР провести переговоры с США и Республикой Корея по вопросу о денуклеаризации Корейского полуострова. После возвращения в Пхеньян Ким Чен Ын сообщил о прекращении ядерных испытаний и подтвердил свою готовность провести переговоры с президентом США. Американо-северокорейские переговоры состоялись 12 июня 2018 г. в Сингапуре. В совместной декларации стороны заявили о своём намерении освободить Корейский полуостров от ядерного оружия и сохранить там мир, но не было сказано об отмене экономических санкций против КНДР. Сингапурский саммит между лидерами КНДР и США явился первым шагом на пути денуклеаризации Корейского полуострова. Результаты этой встречи дают надежду на снижение военно-политической напряжённости на Корейском полуострове.

¹⁶ Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing. Xinhua. 2018. 28 March // en.people.cn. URL: <http://en.people.cn/n3/2018/0328/c90000-9442453.html> (дата обращения: 29.03.2018).

Как видно, китайская политика "вовлечения КНДР" принесла первые плоды. В перспективе Пекин продолжит укреплять своё экономическое присутствие в соседней стране. Сохранение китайского экономического влияния в КНДР приводит к усилению политического веса КНР на Корейском полуострове.

Ключевые слова: *Китай – КНДР – торгово-экономические связи – инвестиции – Корейский полуостров.*

Keywords: *China – the DPRK – trade and economic ties – investments – the Korean Peninsula.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cheng Xiaohe*. North Korea Third Nuclear Test and Its Impact on Sino-North Korean Relations // *The Journal of East Asian Affairs*. Seoul. 2013. Spring/Summer. Vol. 27. No. 1. P. 23–46.
2. China trade with North Korea down 50 % // *Japan Times*. 2018. 14 January. P. 5.
3. Chinese company vent venom on North Korea // *Asia Times online*. 2012. 15 August. URL: <http://www.atimes.com/atimes/Korea/NH15Dg01.html> (дата обращения: 12.11.2017).
4. General Overview of the DPRK Economy. Pyongyang: Chosen Chylpan mulsu chul ipsa, 2017.
5. *Lee Kwang-ho*. Shaky Sino-North Korean Relations after Xi's Inauguration // *Vantage Point*. Seoul. 2014. January. Vol. 37. No. 1. P. 15–18.
6. *Park Jongseok*. North Korea's Special Economic Zones and East Asia (Focusing on SEZ Strategy and Location) // *Borders and Transborder Processes in Eurasia* / Ed. S.V. Sevastianov, P. Richardson. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 210–223.
7. Relations with China // *Vantage Point*. Seoul. 2014. March. Vol. 37. No. 3. P. 56–59.
8. Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing. *Xinhua*. 2018. 28 March // [en.people.cn](http://en.people.cn/n3/2018/0328/c90000-9442453.html). URL: <http://en.people.cn/n3/2018/0328/c90000-9442453.html> (дата обращения: 29.03.2018).
9. 中国外交. Внешняя политика Китая. Пекин, 2013. 587 с.
10. 中国海关. Данные китайской таможни. URL: <http://www.haiguan.info/> (дата обращения: 12.02.2018).
11. 蔡美花, 雷霆. 中朝关系的阻碍与未来愿景 // *东亚与国际政治研究*. *Цай Мэй-хуа, Лэй Тун*. Трудности в китайско-северокорейских отношениях и их перспективы // *Восточная Азия и изучение международной политики*. 2015. № 9. С. 5–8.